

Инна Рогачевская

**Большой
мир
маленьких
историй**

Миниатюры

Инна Рогачевская
Большой мир маленьких
историй. Миниатюры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36969476

ISBN 9785449336514

Аннотация

В разных жизненных ситуациях мы ведем себя по-разному. Весело – смеёмся, грустно – печалимся. Порой хочется бежать вслед за своей мечтой, манящей и такой недостижимой. Недостижимой ли? Возможно, здесь мы ошибаемся. Быть может, именно сейчас она досягаема, исполнима. Стоит только захотеть, приложить усилия, и она птицей певчей опустится в ваши ладони. В каждой небольшой истории, как в отснятом на киноленту эпизоде, заложено больше, чем сказано. Главное вовремя увидеть, понять и принять послыл.

Содержание

Часть 1 – Чувства	5
Приключение заказывали?	5
Опоры для радуги	13
Минор для будущего холста	19
Палач и жертва	23
Игра теней	29
Душа	32
Обычная история	33
Ожидание смерти подобно	36
Оно путалось под ногами	40
Прошлое, которое не захочется вернуть	42
Вы пробовали любить?	45
То, что уносит ветер	48
Мужчина к праздничному столу	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Большой мир
маленьких историй
Миниатюры**

Инна Рогачевская

Дизайнер обложки Инна Рогачевская

© Инна Рогачевская, 2018

© Инна Рогачевская, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-3651-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1 – Чувства

Приключение заказывали?

– Привет!

В ответ тишина и никакой реакции.

Повторяю: «Привет», – кожей чувствую, разговариваю сама с собой или стенкой. Толкаю в бок: «Привет»!

«Точно глухой, слепой, бесчувственный. Прошёл сквозь меня. Погодите! Как же так! Стою, как фонарный столб! Выкрикиваю приветствия, как массовик-затейник, когда на его жалкие потуги расшевелить массы – никто не реагирует.

Как он умудрился перейти меня вдоль и поперек, при этом не споткнуться? Даже ухо не почесал от моего громкого «Здравствуйте»! Или что я прокричала? «Привет», – точно – «Привет»!

Внутри меня поднимается волна возмущения. Печень от зывом кольнула, поджелудочная встрепенулась. По сердцу холодком, по душе сорок восьмым размером ботинок, недавно купленных на мою премию. По мозгам, ...мозги оставим в покое. Им некогда, они уже спешат на работу. То есть ноги бегут, а мозги вслед несутся, в черепушке позвякивая рассыпанной мелочью.

– Кто знает, почему Наталии Савельевны нет на работе?

«Ничего себе! Что значит, «нет на работе»? Вот же я! Сижу, пашу на своём рабочем месте, как папа Карло.

Противная Зойка Груша ехидно хихикает: «Проспала»!

– Что значит «проспала», здесь я, Анатолий Варламыч!

Но шеф глух и невозмутим, укоризненно покачивает седой гривой.

– Позвоните ей, быть может, человек заболел или с ней случилось что-то? Милосердной надо быть, внимательней друг к другу!

«Ого! Такого я от шефа не ожидала!»

– Дорогой, Анатолий Варламыч, спасибо за беспокойство, я здесь».

Он отмахивается от меня, как от назойливого насекомого.

– Выяснили, что с Натальей Савельевной? Нет? Не позволились? Не отвечает? Перезвоните минут через десять. Женщина немолодая, всякое может случиться.

– Это кто старуха? Я? Мне всего сорок пять лет!

Чувство тревоги нарастает. Ничего не понимаю. То есть понимаю... – нет, ничего не понимаю. Я невидима? Или меня не существует? Или массовое заражение сверхновым вирусом! Ау-у! Сейчас подойду и ущипну Зойку за толстую ляжку.

– Ой! – Зойка почёсывает бедро.

Между прочим, я не там ущипнула.

Подхожу к окну. Распахиваю его настежь. В комнату врывается осенний ветер. Поднимаю с подоконника любимые

цветочки шефа, горшок с бордово-розовой геранью и...

Это ему за старуху!

Шеф срывается с места. Горшок с геранью зависает в воздухе. Зачем мне разбивать горшок? В чём его вина? Дрожащими руками Варламыч хватается за горшок с растением, возвращая его на прежнее место – подоконник. Тыльной стороной ладони утирает вспотевший лоб.

«Наваждение, – бурчит под нос. – Кто-то дозвонился до Наталии Савельевны?»

– Наташка в отпуск с любовником укатила, – раздаётся голос Ирины Крохиной.

– С каким любовником, какой отпуск? – возмущаюсь, – отвечивая наглой девчонке оплеуху.

Меня не на шутку беспокоит собственная невидимость. Быть может, съела что-то несвежее?

На рабочем столе звонит телефон. Подхватываю трубку.

– Наталья Савельевна?

– Да.

– Вы меня узнаете?

– Нет.

– А это я, ваше Приключение? Вы получили приглашение?

– Нет! Куда?

– В приключение!

– Только приключения мне не хватает!

– Но вы уже в нём! Я вам не нравлюсь?

– Нет!

– Почему? Всё так забавно выглядит! Я наслаждаюсь. А что вас не устраивает?

– Меня не устраивает всё. Во-первых, я превратилась в человека-невидимку. Во-вторых, меня не слышат. В-третьих, влепят прогул. В-четвёртых, старухой обозвали! Что во всём этом вы находите смешным и забавным?

– Да, всё! Ах, да, забыла.... Вы имеете право делать всё что, вам заблагорассудится, кроме...

– Кроме?

– Вы не можете вернуться в реальность до...

Я нервно молчу. Она расценивает моё молчание по-своему.

– Вот и прекрасно. Я знала, что не ошиблась в выборе. Как я Вас понимаю. Бесконечная рутина, кошмар! Кто хочет в неё возвращаться? К работе, надоевшей кухне, мужу, заботам, проблемам! Гуляйте, дорогая, отдыхайте. Наслаждайтесь. Маленький праздник для души! Всё в Ваших руках. Да, вот ещё, чуть не забыла – ровно в полночь, вы как Золушка, вернётесь обратно. У вас не так уж много времени.

Выхожу в дождь. Осень.

«Давно не была на море. Интересно, как оно выглядит в плохую погоду? Так хочется»...

Ноги утонули в мокром песке. Над головой нависли тяжёлые свинцовые тучи. Вот-вот раздавят море, меня, кусок суши. Гул волн, вой ветра и во всем этом прелесть ненасытная, сумасшествие. Откуда ни возьмись пёс, как приклеился. Куда я – туда он. Странно, я с ним была когда-то знакома! Да, ведь это мой Джей! Не может быть, он так любил море. Его давно нет, а море – вот оно, бушует у моих ног. Пёс смотрит на меня бархатным взглядом, срывается с места и бежит вдоль берега весело лая, приглашая следовать за ним.

– Джей! – кричу.

Он застывает на месте, как вкопанный.

– Джей, не может быть! Мой Джей! – он уже несётся мне навстречу. – Как я соскучилась по тебе. Как здорово, что в приключении можно попасть туда, куда в обычной жизни вход воспрещён.

Поглаживаю ладонью мягкую шерсть. Ладонь истосковалась по теплу его тела. И душа истосковалась.

– Дорогуша, не печалься. Хочешь искупаться?

– Ты сошёл с ума! Шторм.

– Н-да, шторм. Тоже мне шторм. Всего на всего осень.

– Осень.

«Хочу зиму, санки. Катиться по ледяной горке с папой, как в детстве, падая лицом в снег», – просто подумала.

Неожиданный полёт, вкус снежинок во рту, падаю лицом в сугроб. Папины руки подхватывают меня, высвобождая

из снежного плена. Слышу его смех, вижу улыбку на родных губах. Так красиво улыбается, ...улыбался только мой папа.

– Ух, ты!

Снег блестит на солнце, мороз щиплет за уши, нос. Навалявшись в сугробе, начинаю обдумывать следующее желание. Приключение начинает мне нравиться.

– Очутиться бы с Александром Сергеевичем в осенней, парковой аллее. Пройтись с ним под руку, услышать его голос, стихи, – думаю вслух.

– Фантазёрка, – произносит папа, исчезая в снежной пыли.

– Как Вы хороши, сударыня. Я этой ночью не спал, любовался Вами спящей. Писал стихи.

– Александр Сергеевич, – шепчу, – я Вас представляла несколько выше ростом.

Он бросает на меня взгляд полный восторга, страсти. Касается губами прохладной руки, читает стихи. А вокруг осыпаются листья, сокращая время моего пребывания в приключении на секунды, минуты, часы. Лист – минута. Ещё лист – ещё минута. Листья падают и падают, устилая багрянцем аллеи парка.

«Что я ещё хотела? – вихрем проносится в голове, – только бы успеть, только бы успеть! Ах, да! Хочу яблок крас-

ных, сочных, спелых. Откусывать с хрустом, чтобы сок стекал по руке, как в детстве.

Сажу на скамье под деревом. На голову падает большое красное яблоко, за ним ещё одно. Потрогав, вздыбившуюся на голове шишку, не расстроилась, наоборот, рассмеялась от души. С хрустом впиваюсь зубами в сочность яблочную, сок стекает по руке. Вкус! Ласковые мамыны глаза искрятся улыбкой.

– Тебе пора, Золушка. Часы! Время! Время, время...

«Всё возможно, – осеняет мысль! Всему своё время и место – приключению, жизни, рутине. Рутину, рутину. Куда от неё деться?»

Мысль не расстроила. Лёгкий вздох, выдох... и только.

На меня падает ствол дерева.

Приоткрываю глаза. Так и есть, ноги мужа поперёк тела. Он так любит спать. Мякнул потревоженный кот, перебираясь к нему на грудь. Тихо скрипнула дверь. Это сын вернулся домой среди ночи. Думает, я не слышу? Завтра он у меня получит. Залаял Шурка. Он всегда ругает сына за поздние возвращения. На долю секунды вспомнилось приключение.

«Рутину, рутину, – бьют часы на стене, – рутину, пора вставать».

В спальню заглядывает осенний рассвет. Его заспанные глаза шуряются в свете первой зари. Из седых облаков идёт дождь, шурша по крышам, постукивая в окна домов, асфаль-

ту, паркам.

Как хорошо.

«Здравствуй, Осень, – шепчу, выходя на веранду, – разглядывая серую тучку, похожую на летящую женскую фигуру.

– Я тебя не сразу узнала. Как долго я ждала тебя, рыжая затейница. Спасибо за приключение. Выпьешь со мной кофе?

Опоры для радуги

Она писала, вода по холсту тонкой кистью.

Он заглянул через её плечо.

«Вновь непонятные ему знаки. Чёрточки, точки, прямые, кривые, параллельные, пересекающиеся».

– Не надоело?

Не обращая на него внимания, продолжала рисовать не меняя позы. Даже, кисточка в её тонких пальцах не дрогнула от неожиданного вопроса.

«Странная, – подумал, – невозмутимая, неразгаданная умом и сердцем. Как можно сидеть ночами, днями, годами в одной и той же позе, малюя, малюя?»

– Паршивый день, – сказал вслух.

Она оторвала взгляд от холста.

– Наташка меня бросила или я её? Не ладится у нас с ней. На работе чёрт знает что. Все кувырком – жизнь под откос.

– Это не самое главное в сегодняшнем дне.

– Что главное? – спросил, ожидая подсказки.

– Твоё отношение и подход к проблемам.

– Ты, как всегда всё знаешь лучше меня, подскажи?

Она отвернулась, возвращаясь к рисованию. На холсте появился очередной знак вопроса, обведенный чёрным кружком. От кружка поплыли в разные стороны непересекающиеся прямые, уходя в бесконечность.

– Хорошо, – он взорвался, – я поставлю вопрос ребром – или я, или он. Выскажу всё, что о нём думаю. Скажу, что он полный деби..., дилетант в рабочих вопросах. Что ему следует поменять специальность или место работы.

Она повела плечом. Ему был знаком этот жест недовольства.

– Ты не умеешь отделять плевел от зёрен, борешься с воздушными мельницами, как Дон Кихот. Возможно, пришло время изменить себя? Поменять специальность, место работы, взгляды на жизнь, будущее – тебе не другому? Перестать дуть на холодную воду, не заталкивать проблемы внутрь живота, превращая их с годами в жёлчные камни, которые придётся удалять хирургическим путём.

– Это твой ответ или предложение?

Она вернулась к холсту, выделяя красным цветом восклицательный знак и многоточия.

– Бесконечная азбука Морзе на холсте, – высказал недовольно, с пренебрежением. – Нарисуй радугу. Разбавь серость и непонятность своих «шедевров» красками, цветом.

– Для радуги нужны опоры, а их у тебя нет.

– Опоры для радуги? – спросил удивлённо. – Первый раз слышу такую ересь!

– Радуга – мост, и как любому мосту ей нужны опоры, иначе

– Радуга – всего лишь атмосферное, оптическое явление, когда Солнце освещает множество водяных капелек дождя,

тумана...

– В тебе нет солнца, только туман и дождь – серый, мелкий, нудный. Даже, не ливень – не ливень.

– Ты не умеешь рисовать!

– Я не художница, я твоя Жизнь. Моей рукой водишь ты, я лишь изображаю то, что ты творишь.

Он задумался, разглядывая знаки на холсте.

– Неужели моя жизнь так неинтересна, монотонна? Выглядит нище и серо?

– Ты хозяин. Каков хозяин – такова жизнь. Возьми кисть, попробуй изменить рисунок на холсте своими руками.

Она протянула ему кисть. Кисть вздрогнула в его пальцах. Он окунул её в алую краску, рисуя на холсте яркую дугу. За алой полосой последовали жёлтая, синяя, оранжевая, зелёная дуги.

– Просто и красиво. Так и продолжай, сказал любуясь нарисованной радугой.

Неожиданно краски потеряли яркость и цвет, радуга исчезла с холста.

– Почему? – только и спросил.

– Не хватает опор, – ответила Жизнь.

– Где их взять?

– Где? Ты меня спрашиваешь? Создай! Слепи! Прими решение. Не жди ни от кого подсказок и наставлений. Только сам. Ты хозяин своей жизни, другой у тебя не будет. Твоя радуга никогда не взойдёт, пока не воздвигнешь опор.

Она отвернулась, отложив кисть. Сложила на груди руки. «Знак протеста», – понял он. – Я подумаю, а ты пока ма-люй.

Она не тронулась с места. Сидела и смотрела в окно, на за-стывшие на небе серые тучи и нудно морозящий дождь.

День выдался не таким уж плохим, как он предполагал. С боссом объяснился. Написал заявление об уходе, босс при-нял и одобрил. Его шеф не такой уж дилетант. Скорее все-го проблема в нём самом, не любит он свою работу. Не го-рит сердце. Не приносит удовольствия – не его. С завтрашне-го дня начинается совсем другая жизнь. С Наташкой объяс-нился. Простила ли? Главное, он понял – дальнейшая связь не имеет смысла. Без взаимного доверия, любви, взаимопо-нимания, родственности душ- счастья не построить. К чему тянуть «кота за хвост». Что ещё? Ещё многое предстоит сде-лать, главное не топтаться на месте, не вязнуть в ненужных связях, не принятых решениях, двигаться вперёд, к свету. Жизнь, не так уж плоха, если смотреть на неё с правильной точки преломления призм.

Неожиданно пошёл ливень. Он спешил домой. Возле церкви на мокром асфальте сидел нищий, обычный нищий, мимо которого он проходил каждый день, не обращая вни-мания. На этот раз он почувствовал, как сжалось сердце.

– Возьмите зонт, он вам пригодится и ещё вот это, – вы-тащил из куртки несколько бумажных купюр, вложив в мок-

рую ладонь мужчины. – И ещё, – он снял куртку, накидывая на плечи изумлённого нищего, – оденьтесь, холодно.

Дождь хлестал по лицу, поникая под одежду. Такого дождя не было давно. Он шёл совершенно мокрый, но довольный всем происходящим. Что он чувствовал в душе? Легкость, невесомость, уверенность, будто крылья выросли за спиной, а не мокрые лопатки торчали из-под прилипшего к телу свитера. Человеку было хорошо. Около подъезда в луже сидел котёнок, жалобно попискивая.

– Малыш, где твоя мамка?

Котёнок потёрся о его ногу.

– Пока найдётся твоя кормилица, приглашаю к себе на постоя, – он взял на руки невесомое тельце, прижав к мокрой груди.

Дома было спокойно и уютно. Размеренное постукивание часов. За стеной соседи смотрели детектив. Там кто-то кричал и отстреливался. Он улыбнулся шуму. Сегодня ему не мешало ничего и никто. Было просто хорошо. Котёнок, накормленный, высушенный после душа, завёрнутый в его халат спал на кресле.

«Назову его Пух. Я думал он серый, а оказался белым, как пух. Никому его не отдам. Не буду искать его мамку, да и не нужен он ей – он нужен мне, а я ему».

Неожиданно он вспомнил о ней.

«Ушла. Куда? Почему?»

Только сейчас обратил внимание на одинокий мольберт

у окна. На холсте сияла радуга, красуясь разноцветными дугами, уходящими в бесконечность.

17.09.2015 г

Минор для будущего холста

В его душе, а потом и в доме, поселился сероватый с голубизной минор. Сказать, что ноты, из общего аккорда грусти засиделись, задержались, загостились – ничего не сказать. Они обжились, свив уютное гнёздышко.

Он не противился минору, наслаждаясь им, как музыкой, вдыхая, как свежий ветер. На холсте у окна жила картина «Пара слов о маленькой грусти». Краски на ней потемнели от минора, грусти стало больше, чем он когда-то задумывал.

В его доме, от затянувшегося минора, перегорели лампочки в прихожей, потом в спальне, в некогда светлой и уютной гостиной.

Дому стало неуютно от минора, но мужчина этого не замечал.

Она мажор. Ей непонятен минор. Во всём: в осенней непогоде, шепчущей грусти она находила весёлые нотки, не говоря об аккордах, переливах, переходах с одной мажорной гаммы в другую. Она мажор – яркий, блестящий, неувядающий. Мажор родился с ней, а быть может, даже опередил её появление на свет своим ярким рождением.

– Ты минор, я мажор, – говорила она ему. – Но твой минор

слишком минорен, не надоело? Ты уже пахнешь плесенью, затхлостью. На твоём челе паук свил паутину.

– А ты всегда весела. Не надоело ходить под ручку с мажором? Не устала от него?

– Как можно устать от радости, жизни, яркости? – недоумевала она, перебирая его поседевшие от долго минора пряди.

– Как можно постоянно веселиться? – спрашивал он, пересчитывая веснушки на её лице.

– Встрепенись, сбрось с души минорный саван, – упрашивала она, – запуская в него горсть мажорных аккордов.

Он недовольно морщился от их шумной весёлости, как от комариного назойливого писка.

– Испей мой минор, как вино. Не залпом, по глотку, наслаждаясь. Ты поймёшь сколько в нём вкуса, красоты, оттенков. Тебе не захочется возвращаться к легкомысленному мажору.

Она со смехом отпивала из его бокала терпкий минорный напиток. Он был вкусен, сладок, как мёд, слишком сладок, терпок и крепок. У неё кружилась голова.

Нет, это не для неё. Её мажорный коктейль лучше, ароматней, легче. В нём, как в шампанском бурлят разноцветные, радужные пузыри. Она предпочитает другие ощущения: солнце, свет, жизнь, лёгкость, радость. В мажоре неповторима каждая палитра, оттенки, изюминки.

– У меня к тебе предложение, давай разбавим мой мажор

твоим минором, должно получиться что-то потрясающее!

Он соглашается. Ему тоже интересна идея – совместить грусть и радость, дождь и солнце, радуги и грозы в одном бокале. Вязкие капли сероватого с голубизной минора и разноцветные бурлящие, пузырящиеся капли мажора.

В бокале всё кипит, меняя цвет, температуру, настроение.

Они пробуют напиток из одного бокала одновременно, потягивая, каждый из своей соломинки.

Её безудержный смех переходит в нежную улыбку. Его бледное лицо приобретает свежесть. В нём появляются давно забытые: улыбка, чувство радости.

– Вкусно, – шепчет она, отпивая радость и покой.

– Вкусно, – шепчет он, с любопытством прислушиваясь к новым ощущениям.

– Главное не переборщить с минором.

– Не увлечься вечным мажором.

– Во всём знать меру.

– Позволить времени, настроению, жизни, самим себе плавно перейти на новый лад.

– Найти свой минор и мажор.

Её взгляд останавливается на картине. «Пара слов о маленькой грусти», – шепчет она.

– Я допишу её, обязательно допишу, – произносит он. – В ней не хватает капли мажора и тогда, её мимолётная грусть засияет новыми красками на минорно-мажорный лад.

Неожиданно в доме, оживают перегоревшие лампочки,

наполняя его мягким светом. На темных улицах фонари, поднимая тяжёлые веки, восторженно хлопают подслеповатыми глазами. Звёзды трепетно спешат навстречу друг другу. Луна, перекатываясь с боку на бок, хрустальным шаром, загадочно подсвечивает небеса неоновым светом. Даже, тучи на небе не беспокоят её. Она рада им, как мать своим детям.

Незаметные вкрапления, лёгкие штрихи.

Улыбка, грусть. Дождь за руку с радугой. Ветер, играющий золотистыми прядями солнечных лучей. День, ночь, он, она. Капли маленькой грусти на холсте. Как немного нужно для счастья. Как много нужно, чтобы стать счастливыми. Минор, мажор, душа, глаза и для начала... услышать друг друга.

Палач и жертва

Жертва, выпорхнула их жарких объятий, не чувствуя себя жертвенным «барашком», поцеловала своего палача. Как сладки его объятия, поцелуи, клятвы. Как многозначительны и прекрасны зарисовки в её воображении. Зарисовки счастья.

Он уверенный в себе, в своей жертве. На красивом лице торжествующая улыбка палача. Она жертва. Жертва святой наивности, самообмана. Готова обмануться за поцелуй, взгляд, слово, комплимент, за подаренную ночью надежду на что-то большее, чем просто ночь.

Палач и жертва. Слабый и сильный. Побеждает тот, кто сильнее.

Я не согласна. Побеждает тот кто готов к победе. Кто знает, быть может, в этот момент палач меняется местом со своей жертвой. И с этой минуты всё меняется в ходе событий.

«Дайте поживиться!» – кричит толпа.

Я найду для вас жертвенную косточку, но без мяса и крови, гладкую, с запахом ветчины или копчёных рёбер.

Моря крови не будет.

Я не кровопийца. Просто задумалась, как изменилась толпа за прошедшие века? Чего ждёт? Кому отдаст предпочтение? Палачу или жертве?

Решайте сами по какую сторону баррикад стоять. Кому

аплодировать, кого оплакивать.

Зрелищ! Народ требует зрелищ!

«Хороша. Очень хороша».

Он облизал острые клыки, с трудом проглатывая слюну. Давно в его лапы не попадала такая аппетитная жертва. Игра в «кошки-мышки» началась. Жертва прошла мимо. Он уловил пряный запах корицы, исходящий от её тела, одежды.

«Сладкая, как булочка», – подумал, крадучись за ней тёмными переулками.

Жертва на то и жертва, чтобы не почувствовать, не заподозрить, не услышать крадущихся шагов, мягкую волчью поступь палача идущего по пятам. Она напевала под нос весёлую песенку.

Луна осветила темную аллею по которой отважно постукивали высокие каблучки. Фонари добавили к цвету её волос тёплой желтизны.

Звёзды, ну что звёзды, они просто-напросто отказались принимать участие в ночном «кошмаре» и не вышли из-за туч. Небо, за час до происшествия, залитое звездными потоками, светящимися ночными островками, рассержено задвинуло шторы-тучи, отказавшись от участия в заговоре. Оно обвинило луну в меркантильности, тупости, тщедушности, предательстве, в пособничестве палачу, обозвав соучастни-

цей преступления. Луна рассердилась, плюнув на всех последней серебряно – молочной каплей, скрылась за горой.

Городские власти неожиданно решили экономить на электричестве, отключив в городе свет. Фонари замерли на полу-вздохе, медленно угасая. Всё погрузилось во мрак: город, одинокая аллея, девушка и песенка. Но, то ли девушка оказалась не из робких или ранее никогда не слышала о преступлениях – петь не перестала, наоборот запела ещё громче. Её звонкий голосок эхом блуждал в темноте, отбиваясь от стен, деревьев, взлетал к облакам, и не находя там жизни, возвращался на землю.

Зверь наслаждался преследованием. Он прикрыл глаза, разрешая себе предвкушить вкус молодого тела, его предсмертные судороги, кровь на клыках, мольбу в глазах жертвы. Он будет неумолим, беспощаден.

Неожиданно он рассердился.

«Почему именно она? Хороша, жаль до слёз!»

Но жертва избрала себя сама. Он её не приглашал в это безлюдное глухое место, где обычно поджидал жертву!»

От досады был готов вцепиться клыками в свою руку, но подумав о боли передумал. Палачу запрещено думать о боли, чувствах жертвы. Его предназначение карать.

Она была в шаге от него. Он протянул руку в чёрной перчатке, чтобы схватить её за горло, сзади, но девушка вдруг повернулась к нему лицом.

– Слава Б-гу. Как я вам рада! Я уже стала бояться звеня-

щей тишины и пустоты аллеи.

Он опустил руку в полной растерянности.

Первый вариант неожиданного нападения на жертву со-
свалился, по причине жертвы.

Они шли рядом по пустынной, парковой аллее. Палач ис-
коса бросал на жертву взгляды.

– Не бойтесь?

– Уже нет. Вы рядом! У меня было чувство, что за мной
следят. За каждым кустом виделись глаза. Вам знакомо это
ощущение? Неприятное. Мурашки по коже. Можно я возьму
вас за руку?

«Самое время», – подумал палач, обхватив девушку пра-
вой рукой, левой, пытаюсь схватить за горло, повалить
на землю, а потом...

Он ничего не успел сообразить. Она зажала его мёртвой
хваткой, крутанула, перекидывая через себя. В его локте
и спине что-то хрустнуло.

– Осторожно, вы чуть не упали! – воскликнула жертва,
поднимая своего палача на ноги. – Смотрите под ноги, так
можно и голову расшибить. Хорошо, что у меня реакция
быстрая.

И вторая попытка потерпела крах.

«А может, ну её. Тоже мне жертва. Каратистка чёртова.
Руку сломала, как пить дать – сломала».

Рука болела, распухая на глазах. Но азарт не покидал.
С одной стороны, сомнения одолевали в правильности выбо-

ра жертвы, с другой – жертва была так соблазнительно хороша, что отпустить её на свободу, оставив в живых, не представлялось возможным. Она превращалась из жертвы в опасного свидетеля.

Неожиданно пошёл дождь.

«Хорошая примета, – дождь смывает все следы», – подумал палач, предвкушая, следующий шаг.

У девушки светились глаза. Она остановилась, сняла с ног туфельки и зашлёпала босыми ногами по тёплым лужам. Темнота будто радовала её, хотя какая девушка не боится темноты? Промокшее платье прилипло к фигуре, резко обозначив на груди взбухшие соски. Он завыл. Оскалив клыки, бросаясь на жертву. Луна не преминула взглянуть на картину нападения. Звезды, высвобождая серебристые головёнки из надтреснувших туч, с интересом и ужасом наблюдали за происходящим. Ветер, а что ветер? Блудливый шалун, «беспокойное хозяйство», когда он оставался в стороне? Пробежав с десятков метров вдоль аллеи, замер, не мешая, не возражая, не воя – молча стих в ветвях деревьев.

Он нежно целовал её губы, сжимая в объятиях тонкий девичий стан. Она отвечала на его поцелуи робко, потом жарче, страстно.

Они шли, держась крепко за руки.

– Закат, зачем ты следишь за мной?

– Закат всегда следит за своей Зарёй, как ночь за рассве-

том, утро за днём, час за минутой, годы за веками, палач за жертвой.

– Палач за жертвой, – повторила она, вдумываясь в смысл сказанных слов. – Кто из нас жертва, кто палач? – спросила, улыбнувшись спутнику.

– И я, и ты. Закат безнадёжно влюблённый в Зарю, жаждущий целовать её губы, пить их с нежностью до умопомрачения, последнего вздоха. Обнимать её тонкий стан, целовать глаза, перебирать шелковые пряди волос, держать в объятиях и никогда, никогда не расставаться с ней.

– И ты, и я, – вторила она, прижимаясь к нему всем телом. Она обвила его шею тонкой рукой, приникла губами к его зовущим губам.

– Тебе пора, мой милый, палач. До завтра. До встречи. Я буду ждать тебя, как год назад, вечность назад, час назад в нашей аллее.

Палач и жертва.

Он каждую ночь казнил её за то, что под утро терял, наказывая себя и её за то, что был не в силах уберечь от разлук.

Она казнила себя за несвоевременность рождения, жертвенно принимая разлуку, даря свою любовь в короткие минуты счастья, отведенного двоим, не требуя взамен вечности.

Игра теней

Тень, зацепив другую плечом, прошлась по ней, не удостоив вниманием. Даже: «Простите», – не сказала.

Вторая, оскорблённая тень не промолчала, изменив положение тела, резко повернулась к обидчице спиной.

Первая тень и не подумала принять брошенный спиной вызов. Она его проигнорировала, удалившись под сень дерева, растекаясь по мягкой траве, как ковру.

Трава почувствовала, что её обозвали «подстилкой» и используют по данному назначению, прогнулась под тенью, пытаясь от неё избавиться, уколов единственной росшей колючкой в мягкую часть. Но, то ли тень была тяжела весом, то ли мягкая часть была не так мягка, жалкие травяные потуги успехом не увенчались. Наоборот, тень перевернулась на живот, опустив нос в пахучую траву, поглаживала её мягкие волоски ладонью. Траве стало чертовски приятно. Давно её никто не нюхал, не ласкал так нежно. Всё больше ногами мнут, топчут, а тут....

Вторая тень, потоптавшись на солнце, утомилась от жарких лучей и собственной неприкаянности. Провела ладонью по вспотевшему лбу, вытерла руку о штанину и с безразличным видом направилась под тень единственного дерева. Опустившись на землю, прижалась к нему спиной, делая вид, что второй тени для неё не существует.

Тень на траве, заметив соперницу села, поправляя причёску. Взбила кудри, выбивая из них заблудшие травинки. Трава возмутилась. Она битый час работала стилистом по имиджу причёсок, украшая эту голову, вплетая во взлохмаченные кудряшки зеленый сор, а глупая тень не оценила её стараний. Тень занялась совершенно другим делом. Вместо того, чтобы продолжать благодарно поглаживать траву, за предоставленное мягкое ложе и не только, она поправила, одёрнув короткое платьице, стараясь натянуть его на колени. Но, то ли колени у тени располагались слишком низко, то ли платья не хватило дотянуться до них – оно подпрыгнуло, показав траве белые трусики.

Трава увлеклась новым видом, забыв о неблагодарной тени.

Солнцу все надоело. Оно ушло за горизонт, на прощание «брызнув» последним лучом.

Тени то вытягивались, то уменьшались, а потом и вовсе исчезали, не успев объясниться друг с другом.

Трава вздохнула, покрываясь влагой от пережитых волнений. Дерево попыталось распрямить изогнутую в некоторых местах спину, хрустнув старым стволом, но видимо искривление позвоночника неизлечимо в триста лет.

На смену солнечным теням пришли ночные. Вместо солнца вошла луна, предавая предметам на поляне, серебристой седины и загадочности.

Какой игрой увлеклись тени в ночи, знает только ночь,

а я... и не смею догадываться.

Душа

Она гуляла по ночам, когда на землю спускалась темнота. Только в это время суток она позволяла себе оставить его, чувствуя свободу. Она дышала тишиной, прохладой, любясь яркими звёздами, прикасаясь к ветру. Она тихо опускалась в травы, наслаждаясь ароматами лугов, благоуханием цветов или уходила далеко-далеко... к морю, плескаясь в его зовущих волнах, очищаясь от дневных тревог, забот, усталости. Море её успокаивало, волновало, даря покой, умиротворение. А ей так нужен был этот покой – бездонный, безвременный, бесконечный.

Скоро рассвет. Она с печалью смотрела, как бледнеют последние хрусталики звёзд, затихает в травах ветер, успокаивается волна, нагулявшаяся за ночь. Утренняя заря близка, ей пора возвращаться к нему. Она ему нужна, без неё он не сможет. Когда он проснётся, она, как всегда, будет рядом. Она – его любовь, радость, печаль и тревога. Она носит в себе его тепло, охраняя и сохраняя его. Они всегда были, есть и будут вместе. Только ночь разлучает их на несколько часов. Ночь – её время. Она парит, кружится, отдыхает, расслабляется, освобождается, обновляется. С рассветом она, вновь, возвращается к нему, потому что она – его душа.

Обычная история

Это ещё не сама история, лишь эпизод, зарисовка, картинка.

Ей хочется оживить картинку, чтобы в ней появились два главных героя – он и она.

Ей хочется быть остроумной, зажигательной, сексуальной, влюблённой и обязательно любимой.

Она легко кружится в танцующей круговерти осенних листьев, тронутых увядающим поцелуем желтизны.

Она представляет себя в роли балерины! Балерины с большой буквы!

«Нет, только не балерина! Почему? Слишком большая нагрузка на ноги, фигуру, вечная диета. Но если знаменитой для него, себя! Кто сказал, что она непременно станет знаменитой? А если в массовке, в седьмом ряду слева, даже не в середине. Ни фанатов, ни славы, на улицах не узнают, автограф не просят. Да и в тридцать семь – старуха-пенсионерка. Нет, только не балериной.

Певицей или актрисой, но выдающейся.

А если таланта не хватит, тогда как? Тогда не надо. Серенькой, неприметной не подходит. Таких тысячи. Кому нужна ещё одна жалкая единица, унизительно присоседившаяся к тысячам? Или первой или...

Врач. Тоже неплохо.

Сидишь в тёплом кабинете. Пациенты на тебя молятся. «Спасительница ты наша, – говорят, у вас золотые руки! Вы наша мать Тереза».

Хирург. А вид крови? О нет, только не кровь и не страдания людские.

Бухгалтером!

Можно, но звучит банально, обыденно.

Финансовым гением! Хорошо. Нет, не то.

Учителем!

Уже теплее, греет. Благодарные ученики!

А если неблагодарные, что тогда? Обидно.

Ей хочется удивить его, поразить, обезоружить.

Она всего лишь библиотекарь. Самая обыкновенная женщина, мечтающая о самом обыкновенном мужчине».

Любовь!

Влюблена! Фантастика! Любима!

Мир расцветает несмотря на осенний дождь. За окном дождь! Ну, вот, всё испортил. Хотя нет, не испортил, добавил штрих в осеннюю картинку. Сапоги на каблучке, чёрные, облегающие ногу, будто заключившие её в объятия. Пальто, зонт. Вырвавшийся из-под заколки локон, а ещё лучше грива волос! Развевается, балует на ветру. Душа поёт несмотря на непогоду. Почему ей не петь? Она ведь влюблена.

Он переходит улицу. В руках букет осенних хризантем. Это для неё.

Запах мужского одеколona...

Душа где-то носится, сердце за кем-то страдает, а на улице дождь – нудный, бесконечный, невесёлый.

Женщина мечтает, рисуя пальцем на окне фигурки, цветы, улыбки и сердце. На ногах домашние тапки. Вместо льющейся по плечам непослушной гривы волос – короткая стрижка. Длинный свитер до колен, скрывающий то, что под ним. Хризантемы!

Хризантемы в вазе.

Мужчина, чувства, осень.

Она мечтает о том чего нет в её жизни, но ведь, может быть! Чем осень хуже весны?

Она хранит столько тепла и нежности не розданной, не растроченной, законсервированной, как ананас в собственном соку. Мечтает встретить его в дожде. Дождь не по-меха. Она уверена, что узнает его. Он придёт из осени, дождя. И уже они бегут навстречу друг другу. Руки распахнуты, как крылья! Пальцы-перья трепещут, перебирая дождевые капли, как струны. Женщина рисует на стекле фигурки ожидая, надеясь веря...

Ожидание смерти подобно

Уже в висках первая седина. Первая ли?

На лице первые морщинки. Первые ли?

Я та же, ничего во мне не изменилось, только пересыпаются песчинки песочных часов тихо, бесшумно. Я болезненно улавливаю их скольжение. Песчинка за песчинкой, год за годом. Я по-прежнему её жду.

Она приходила, освещая жизнь лучезарной улыбкой, подставляя надёжное плечо.

– Ты пришла? Я не звала! Я и сама всё могу, – отвечала я, весело смеясь, чувствуя за плечами сильные, молодые крылья.

Она улыбалась и уходила, оборачиваясь, ожидая, что передумаю, позову. Тогда я не знала, что наступит время, когда буду ждать её прихода долгими днями, месяцами, годами, ругая себя за прошлую неосмотрительность, глупость, молодость, самоуверенность.

В молодости всё даётся легко. Взлёты радуют, наполняя душу уверенностью в том, что так будет всегда. Падения не пугают, не наносят смертельных ран, не оставляют горький привкус поражений.

С годами начинаешь понимать, как многое упущено, не сделано. Ночами молишься украдкой, изнывая от бессилия что-либо изменить. Обижаешься на Господа Б-га, на неё,

забывшую к тебе дорогу надолго, а может навсегда.

Морщинки у глаз, края пухлых губ когда-то весело загнутые вверх к улыбке, опущены, как в маске образа Печали.

Ветер безжалостно треплет сухие жёлтые листья. Вчера только лето, а сегодня...

Грустно. От чего? От прожитых лет? Не сбывшихся мечтаний? Ожиданий? От нехватки смелости, сил, желания?

Где та девчонка полная радости жизни, стремящаяся в небо, парящая, дерзкая, неунывающая, неугомонная, как быстрый ручей?

Я жду её! Жду Удачу, как палочку-выручалочку, как Джина, исполняющего заветные желания, как добрую фею, золотую рыбку. Почему она не приходит?

Почему я решила, что Она не приходит? Возможно, я не вижу её, не чувствую? Она не заявляет громко о своём прибытии: «Бейте в барабаны, трубите в трубы, аплодируйте, распахните двери, окна, я на пороге».

Распахиваю окно, вглядываюсь в посеревшие от дождя небеса. Вслушиваюсь в голоса.

Она? Она сидит за столом, пьёт чай с малиновым вареньем и улыбается! Улыбается так, как тогда, в дни моей юности. Она так прекрасна, молода. Время не властно над ней. Молодость без старости. Моя светлая, долгожданная Удача.

– Привет, – она протягивает мне тёплую ладонь.

– Ты где была? Я давно жду тебя?

– Ожидание смерти подобно. Ты не задумывалась над

этим? Пустая трата времени на ожидание. А что с твоими крыльями? – спрашивает Удача, не обращая внимания на мои стоны. – Почему они в таком жалком состоянии? Распрями их, ты же на них сидишь, а когда идёшь, наступаешь на них! Разве так должны выглядеть крылья у Человека? Вспомни, какой ты была в юности, молодости! А твои крылья! Они светились огнём и мощью. А уверенность! Вера! Надежда! Во что ты превратилась? Глаза, ...где свет, искромётный взгляд, улыбка? Пойдём со мной! – она выводит меня под осеннее небо в дождь, ветер.

– Что ты чувствуешь?

– Холодно, мерзко и мокро, – бубню, дрожа, как осиновый лист на ветру.

– Не правда. Хорошо! – она вздыхает полной грудью, подставив лицо ветру и дождю. – Дыши! Дыши так, будто это твой последний вздох, последний глоток воздуха. Расправь крылья!

– Они мокрые и старые, – вздыхаю, не пытаюсь расправить истрёпанные, побитые молью и временем крылья, – а потом, они такие тяжёлые, как промокшее тряпье, я упаду. Ведь я не птица.

– Не птица? Тряпье? Тяжёлые? Это говоришь не ты. Это говорит твоя лень, безразличие, не желание бороться. Чего ты ждёшь от меня?

– Полёта, удачи!

– Лети навстречу удаче, всё зависит только от тебя!

– Но ведь ты уже здесь, со мной рядом. Зачем мне ещё куда-то лететь, чего-то желать?

– Эх, люди, люди! Как вы ошибаетесь, полагая, что бессильны, немощны, что всё хорошее в вашей жизни зависит от чего-то, кого-то. Всё дано вам с рождения: удача, счастье, любовь! Пользуйтесь этими благами! Вы так сильны, крылаты, как птицы!

Её взгляд впивается в мои глаза. Чувствую, как по спине пробегает дрожь. Тело наполняется теплом, силой, уверенностью. За спиной, что-то оживает, пытается взмахнуть и улететь.

– Ты веришь в себя? В свои силы? В свою Удачу? – вопросы звучат, как выстрелы.

– Да, верю. Чувствую, я чувствую силу, уверенность, я смогу, – говорю, срываясь от волнения на шёпот.

Со мною что-то происходит. За спиной работает мощный генератор, бьёт силой, током. Лёгкие наполняются свежим воздухом, промывая меня изнутри.

– Лети! – приказывает.

Взмах первый, второй, третий и... полёт. Мои крылья по-прежнему сильны, они огромны и прекрасны. Мои крылья. Теперь мне ничто не страшно. Я сильна, полна жизни, радости, любви и со мной моя Удача! Навсегда! Ведь, все зависит от нас самих!

Оно путалось под ногами

Оно постоянно «путалось» под ногами у неё и у него, сопротивлялось решению сторон, отстаивая свою точку зрения, заявляя о своих правах. Лишало сна, призывая бессонницу, мучая себя и их.

Когда-то оно любило летать, взмывая ввысь, пронзая небеса неслось на крыльях в заоблачные дали. Но случалось, крылья немели. Теряя высоту оно падало, разбиваясь о землю, рассыпаясь на осколки. С трудом реанимируя себя, возвращалось к ним в ранах, шрамах, порезах. Оно вновь пыталось взлететь, поднималось в небо, но всё чаще и чаще падало.

Оно улыбалось и плакало, задыхалось и скулило от боли. У него были «обычные» дни и «критические». Его лучшие дни, куда-то ушли, испарились.

В «обычные» дни оно дружило с переменной облачностью, бывая солнечным, пасмурным, весёлым и грустным.

В «критические» – находилось на грани срыва, объявляя войну, капитулируя, оплакивая поражения, или празднуя короткие победы.

Когда-то оно пело, превращая всё вокруг в райские сады. Со временем, стало фальшивить, окуная в фальшь всё вокруг. Оно играло роли, надевая маски. Порой сбрасывало их с ненавистью, требуя времени для новых перевоплощений.

Оно бывало разным: нежным и ласковым, бессердечным, жестоким и глухим.

Оно не просто так «путалось» у них под ногами, оно принадлежало им, зависело от двоих, часто упрекающих его в непостоянстве, лжи.

Оно запуталось, не понимая чего от него хотят, каким оно должно быть?

Оно мечтало быть чистым, искренним, пламенным, страстным, неповторимым, всепоглощающим – одним на двоих.

Когда они спохватились было уже слишком поздно, оно ушло.

Они так ничего и не поняли, было ли оно на самом деле? Или это наваждение, туман, сон переплетённый с явью? Они так и не осознали, что потеряли с его уходом, превращаясь в чужих людей, обыкновенных чужих людей, которых на земле миллионы.

Неразделённое, непонятое Чувство бродит по земле, «путаясь» под ногами. Ступайте осторожно, чтобы не наступить, не раздавить его, оно намного хрупче, чем кажется вам.

Прошлое, которое не захочется вернуть

– Привет!

– Привет.

– Какая встреча! Сколько лет не виделись! Ты по-прежнему красивая, молодая. Будто вчера! Всё будто вчера – ты, я, наши дети, твоя мама. Как дети расскажи!

– Дети? Дети хорошо, выросли. Света вышла замуж. Алик служит в армии.

– Света? Моя маленькая Света замужем? Почему я ничего не знал? Почему меня на свадьбу не пригласили? Я отец! ... Она меня не простила, я понимаю. Света счастлива?

– Думаю, да.

– Он любит её? ... Молчишь. ... Почему ты молчишь? Ответь? Он любит нашу дочь?

– Любит. Ты уже дедушка. Твоей внучке полтора года. Её имя... Ты плачешь? Плачешь, как и тогда, когда сказал, что уходишь к другой, единственной. Ты и тогда плакал, обещая приходить к детям каждый день. Я не верила ни одному твоему слову, а они ждали.

– Дети вспоминают обо мне?

– Нет, уже нет. Алик ещё долго звал тебя по ночам. Светка плакала в подушку, убегая из дома откуда ушла любовь, вера вместе с её отцом. Но они выросли. Алик взрослый мужчина,

давно всё понял. Света, ... да, ты и сам помнишь. Света тебе тогда сказала кто ты. Ты предатель.

– Но ведь я влюбился. Мне казалось навсегда. Это было сильнее меня. Сильней....

– Сильней любви к детям? Помню, помню, твоя любимая фраза: «Тысячи людей разводятся, но никто ещё от этого не умер».

– Всё рассыпалось, как песочный домик. Мы так и не стали с ней родными, как с тобой. ... Опять молчишь. ... Помню, ты предупреждала, что так случится. ... Как мама? Она жива?

– К счастью, да. Она наша опора и поддержка. Она помогла мне вырастить детей. Она замечательная мама и бабушка.

– Она вспоминает обо мне?

– Не знаю, наверное, иногда....

– Я не спросил как ты? Одна? Все годы одна?

– Какой ответ ты бы хотел услышать? Моё грустное «Да»?

Нет, я не одинока! У меня есть дети, мама, внучка и он.

– Кто он?

– Тот, кто не предаст. Тот, кто появился в самый тяжёлый момент, не требуя взамен ничего. Тот, кто помог мне и детям не сломаться. Тот, кто заменил им отца....

– Ты жалеешь о прошлом? Вспоминаешь, как мы жили? Хотела бы вернуть, ... чтоб снова ты, я, наши дети?

Она уходила, не оборачиваясь, не ответив ему, не попросившись. Её стройная, как прежде фигурка, исчезала в лу-

чах солнца и только лёгкий аромат духов, до боли ему знакомый, напоминал о том, что она была здесь. Она спешила в свой день, свой мир, оставляя за спиной того, кто больше не был ни мужем, ни отцом – лишь прошлым, которое никогда не захочется вернуть.

Вы пробовали любить?

Если вы человек убегающий от любви, как «заяц от погони», не готовый, опасющийся чувств, сделайте одолжение – оставайтесь в одиночестве. Это не для вас. Не любите, не страдайте, не просите, не желайте, не стремитесь, не мечтайте. И это ещё не все «не» мной перечисленные. Живите в тишине своего «болотца», дышите одним лёгким, «болейте» тоскливо-зелёной бессонницей, смотрите туманным, блеклым взглядом и не жалуйтесь, что вам скучно, невыносимо тоскливо, безрадостно и хуже всех. Почему? Вы не любите и, по-видимому, не любимы.

Цветы, растущие на пышных клумбах, в садах, полях не для вас. Журавль в небе не ваш.

Синица в руке, ... быть такого не может, не мечтайте, давно улетела, не засиделась на вашей ладони, а может и вовсе не прилетала. Радуга в небе не такая яркая. В ней, как минимум, не хватает самых ярких и прекрасных оттенков. Солнце не греет, просто светит. Дождь – мокрый. Снег – ледяной, колкий. Ветер – завывающий, пронизывающий.

Настроение! У вас и такое бывает? Перепады?! Ваши «перепады» или как вы называете «настроение» всегда на одном уровне – «головой вниз». Ваш любимый цвет серый; можно добавить блекло жёлтый; грязно-белый, лишённый белизны; коричневый; чёрный или серо-буро-малиновая ка-

ша из цветной смеси. Жизнь проходит под девизом «Любовь придумали от скуки». И правда, стоит ли стараться? Нет, не стоит. Пусть всё плывёт, как бревно по течению. За окном зима. За вашим окном всегда зима или предшествующая приближению зимы последняя осенняя, слякоть. Как вы живёте? Простите за слово «живёте». Как вы существуете, отбывая в серости свои дни? Не надоело размеренное, однообразное, скучное существование?

«Снег», – скажите вы, поглядывая с грустью в окно и будете правы.

На улице снег, а в душе весна.

Не бледнейте, это в моей душе весна, а в вашей снег, мокрый снег.

Не хотите попробовать, угощаю от всего сердца, кусочком своей весны. На пробу, для сравнения. На мгновение почувствуйте разницу!

Хотите попробовать Любовь на вкус? Бойтесь? Ведь это моя Любовь не ваша пробуйте, откусите розово-красный кусочек любовной мякоти. Вкусно? А какой аромат, чувствуете?

Вы улыбаетесь, задумались. Где приобрести? Нет, не в магазине! Любовь не продают в магазине за углом, её ищут, завоёвывают, отстаивают, за неё умирают! Вы готово умереть? Вот так сразу умереть? Зачем? Ради чего? Сначала найдите её! Собирайтесь в путь. Что взять с собой? Зачем носки, штаны, куртку? Вы не поняли, это не командировка на Се-

верный Полюс, это путь к звёздам в лабиринтах линий судьбы. Это поиск света, смысла жизни, поиск своей утерянной или ещё не встреченной половинки. Не всё так просто, как вам кажется. Это и опасности, и разочарования, обиды, разлуки, но и встречи. Вы готовы? Тогда в путь!

Ещё одна спасенная душа.

Лучше испытать поражение в любви, чем жить без поражений, взлётов, падений, встреч, разлук. Не лучше ли ощутить великую гамму чувств: горечь, сладость, остроту, чем безвкусие и вечный серый цвет мечты, неба, звёзд. Ведь на свете живёт Любовь, идите к ней, быть может, в этот момент она ждёт именно вас.

То, что уносит ветер

Белый самолётчик из обычного тетрадного листочка в клеточку вылетел из окна. Его тут же подхватил ветер, увлекая всё дальше в неизвестность. Самолётчик не сопротивлялся. Плавнo покачиваясь над деревьями и крышами домов, помаывая на прощание крыльями удалялся, превращаясь в капельку, точку. Никто не понял куда он летит. Об этом знали только двое – самолётчик и рука, выпустившая его из окна, как птицу из клетки в небо, прощаясь навсегда.

Через несколько минут из того же окна вылетел ещё один, за ним ещё один белый самолётчик, и тут же, подхваченные лёгкими струями воздуха, растворились в лазурных небесах, взмахивая миниатюрными, лёгкими, как сам ветер крыльями.

Казалось бы, что в этом необычного? Кто-то запускает из окна самолётики. Играется. Быть может, прощается?

Подумалось, что уносят они с собой на воздушных «бортах?» Имена, произносимые с любовью? Печаль липучую, а порой лёгкую, словно паутинка? Воспоминания? Слова? Чувства? Улыбки? Боль?

Для кого-то пришло время всё это отпустить на волю, отдать в руки ветра. Он мятежный и уступчивый, лёгкий и могучий знает, что будет дальше. Он заберёт с собой всё то, что так долго кого-то мучит, связывая по рукам и ногам, да-

же, если вчера это было одно из самых дорогих имён, самые чудесные слова... или боль выевшая душу, обида высушившая чувства. Он заберёт с собой радость и боль, предательство и подвиг, любовь и ненависть. Он сбросит «поклажу» где-то далеко за сизыми горами, в пропасть, чтоб больше никогда не возвращать унесённый в неизвестность «скарб». А из окон всё будут лететь и лететь бумажные самолётики. Быть может, кто-то просто...

Больней не будет,
как ещё больней?
Уходите? Закройте тихо двери.
Нет, я не плачу, замели метели...
Бывает летом снег взамен дождей.

Не будет больно,
просто обмерла.
Душа? Душа, изломанная вами.
Она не мучилась, лишь потемнев глазами,
Вы думали, что шутит? Умерла.

Больней не будет,
как ещё больней?
Снега. Снежинки замели следы.
Уже не больно, от её беды...
Остался пух, ветвистых тополей.

Вы ищете её?

Вам больно? Тоже?

Вы плачете? Закройте тихо двери.

Там, где была душа – метут метели....

Уходите? Мне жаль вас, право,... Б-же.

Мужчина к праздничному столу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.